

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-46513>

EDN: AATGDW

Research article / Научная статья

Language and gender: Linguistic, social and ethical paradoxes of inclusive communication

Elena S. GRITSENKO

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

 elena.s.gritsenko@gmail.com

Abstract

Contemporary scholarly discourse on gender-inclusive communication remains predominantly descriptive, often avoiding a systematic critical analysis of its internal contradictions and social consequences. However, the growing social tension around new linguistic norms, their ideologization, and direct impact on public institutions demand unbiased examination. The aim of this article is to identify and analyze the key paradoxes generated by gender-inclusive communication, which persist despite its proclaimed goals of equality and respect. The research material comprises English-language texts of various genres and styles, including scholarly articles, media publications, documents from university websites, healthcare institutions, governmental, non-governmental, and commercial organizations, as well as data from blogs and social networks from the period 2017 to 2025. This allowed us to examine gender-inclusive communication both in the sphere of academic reflection and within the context of public practice. The methodological framework is based on critical discourse analysis, which interprets linguistic changes as a struggle for power, and Lotman's theory of the semiosphere, which views inclusive language as a phenomenon of cultural dynamics. The study establishes that inclusive communication generates a complex of systemic contradictions across different dimensions: *linguistic* (between the striving to erase and simultaneously multiply gender differences, leading to semantic tautology and a violation of linguistic conventionality); *social* (where inclusivity in practice becomes a tool for excluding dissenting voices and marginalizing the experiences of traditional groups); *ethical* (encompassing the conflict between the ideology of self-identification and biological realities, as well as the imposition of Anglo-centric models onto other linguacultures). Interpreting the results through the chosen methodological lens reveals that inclusive language functions not only as a discourse of power but also as a tool of auto-communication, aimed at redefining the core of the cultural semiosphere and consolidating a "progressive" identity. The findings open perspectives for comparative studies on the reception of inclusive practices in different linguacultures and for interdisciplinary research into the long-term social effects of linguistic reform.

© Gritsenko Elena S., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Keywords: *inclusive communication, gender, gender-neutral language, ideology, power, language reforms*

For citation:

Gritsenko, Elena S. 2026. Language and gender: Linguistic, social and ethical paradoxes of inclusive communication. *Russian Journal of Linguistics* 30 (1). 55–81. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-46513> EDN: AATGDW

Язык и гендер: лингвистические, социальные и этические парадоксы инклюзивной коммуникации

Елена Сергеевна ГРИЦЕНКО

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Российская Федерация

 elena.s.gritsenko@gmail.com

Аннотация

Современный научный дискурс о гендерно-инклюзивной коммуникации носит преимущественно описательный характер, избегая системного критического анализа ее внутренних противоречий и социальных последствий. Однако растущая социальная напряженность вокруг новых языковых норм, их идеологизация и прямое воздействие на общественные институты требуют непредвзятого научного осмысления. Цель данной статьи — выявить и проанализировать ключевые парадоксы и противоречия, порождаемые практиками гендерно-инклюзивной коммуникации вопреки декларируемым ею целям равенства и уважения. Материалом для исследования послужил корпус англоязычных текстов различной жанрово-стилевой принадлежности, включающий научные статьи, публикации в СМИ, документы с сайтов университетов, медицинских учреждений, государственных, неправительственных и коммерческих организаций, а также данные из блогов и социальных сетей за период с 2017 по 2025 гг. Это позволило рассмотреть феномен гендерно-инклюзивной коммуникации как в сфере академической рефлексии, так и в контексте публичной практики. Методологическую основу составили критический дискурс-анализ, интерпретирующий языковые изменения как борьбу за власть, и теория семиосферы Ю.М. Лотмана, рассматривающая инклюзивный язык как явление культурной динамики. В результате исследования установлено, что инклюзивная коммуникация порождает комплекс системных противоречий различной направленности: лингвистических (между стремлением стереть и одновременно умножить гендерные различия, что ведет к семантической тавтологии и нарушению конвенциональности языка); социальных (когда инклюзивность на практике оборачивается инструментом исключения инакомыслящих и маргинализации опыта традиционных групп); этических (включающих конфликт между идеологией самоидентификации и биологическими реалиями, а также навязывание англоцентричных моделей другим лингвокультурам). Интерпретация результатов в рамках избранной методологии показывает, что инклюзивный язык является не только дискурсом власти, но и инструментом автокоммуникации, направленным на переопределение ядра культурной семиосферы и консолидацию «прогрессивной» идентичности. Полученные выводы открывают перспективы для сравнительных исследований рецепции инклюзивных практик в разных лингвокультурах и для междисциплинарного изучения долгосрочных социальных эффектов языкового реформирования.

Ключевые слова: *инклюзивная коммуникация, гендер, гендерно нейтральный язык, идеология, власть, языковые реформы*

Для цитирования:

Гриценко Е.С. Язык и гендер: лингвистические, социальные и этические парадоксы инклюзивной коммуникации. *Russian Journal of Linguistics*. 2026. Vol. 30. № 1. P. 55–81. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-46513> EDN: AATGDW

1. Введение

Язык — это не только инструмент общения, но и отражение социальных изменений, идеологий и конфликтов, арена борьбы за культурную власть. Инклюзивная коммуникация, связанная с гендером, стала в последние годы одной из самых обсуждаемых тем в лингвистике и общественных науках, особенно в контексте глобализации и возросшего внимания к вопросам идентичности и культурного разнообразия. При этом освещение феномена гендерно инклюзивной коммуникации носит преимущественно описательный характер. На Западе исследователи либо описывают формы и функции гендерно-инклюзивного языка, либо продвигают его как этически правильный, избегая критического анализа. Это связано с социальным давлением и доминированием «прогрессивных» нарративов в современной западной академической среде. В научных журналах преобладают статьи, где обсуждаются вопросы языковой дискриминации (Baran 2023); анализируются особенности речи представителей нетрадиционных групп (George et al. 2025, Zimman 2017a, Shu Min Yen 2024), функционирование инклюзивного языка в различных коммуникативных средах (Albou 2023, Reichelt & Lukač 2025, Salerno & Rizzo 2024); описываются инклюзивные речевые практики — например, использование гендерно-нейтральных личных имен (Balbach 2025) и небинарных местоимений (Sheydaei 2021, Walter & Long 2025); подчеркивается необходимость лингвистического активизма для продвижения гендерной инклюзивности (Luck 2020, Zimman 2017b, 2024). Практически не обсуждаются социальные последствия гендерно-инклюзивной коммуникации и сопротивление новым нормам, за исключением работ, в которых исследователи из стран Глобального Юга критикуют навязывание инклюзивного гендерного дискурса, созданного в англофонной культуре (Borba & Silva 2024, de Bres 2024) — справедливость и правильность политики гендерной инклюзивности при этом не подвергается сомнению.

В отечественной науке существует сформировавшаяся ранее критическая традиция осмысления взаимоотношений языка и гендера. Ее основы были заложены в 1990-х — первой половине 2000-х гг. в работах коллектива гендерной лаборатории МГЛУ под руководством А.В. Кирилиной. Исходным методологическим принципом данной школы стало признание лингвокультурных различий и, как следствие, неприменимости или ограниченной применимости западных феминистских и гендерных теорий к иным языковым системам и культурным кодам. В рамках этого подхода был получен ряд значимых выводов: о несистемном и внутренне противоречивом характере гендерно-корректного употребления языка (Kirilina 1999);

о сравнительно сниженной андроцентричности русского языка (Кирилина 1999, 2000); о методологической произвольности ряда ключевых пресуппозиций феминистской критики языка (Добровольский, Кирилина 2000) и не вполне оправданном «гендерном» цензурировании англоязычных лексикографических источников (Васькова 2003); а также о бóльшей, по сравнению с полом, значимости для коммуникации фактора совместной деятельности (Маслова 2010). Данные положения, а также последующие работы А.В. Кирилиной, где изучение процессов, связанных с гендером в коммуникативном пространстве русского языка, сопровождается анализом динамики взаимодействия глобальных и локальных преставлений (Кирилина 2015, 2021), формируют методологическую базу для критического анализа феномена инклюзивной коммуникации с точки зрения гендерной лингвистики.

Важным вкладом в осмысление инклюзивной коммуникации как формы политической корректности являются работы О.А. Леонтович, в которых рассматривается историческая динамика понятий «политическая корректность», «инклюзивный язык» и «свобода слова», выявляются механизмы и новые тенденции их реализации в англофонном социуме, в том числе связанные с небинарным подходом к отражению гендера (Леонтович 2021, 2025).

Однако исследования, критически характеризующие гендерно-инклюзивные речевые практики, немногочисленны и в основном фокусируются на описании данного явления как новой тенденции, пришедшей с Запада, не углубляясь в его исторические корни и имманентные противоречия. Многие авторы, описывающие данный феномен на материале английского языка, воспроизводят западные нарративы о благородных целях инклюзивной коммуникации, игнорируя ее социокультурные последствия, в том числе для российского контекста (Боженко и др. 2022, Ковалева и др. 2022, Себряк 2017 и др.). Критические публикации в основном связаны с тем, что гендерно-инклюзивный язык воспринимается как маргинальная тема в контексте русской культуры, менталитета и норм русского языка, где гендерные категории жестко связаны с грамматикой (Евтушенко 2023, Майба 2016, Маринина 2010, Шаров 2010).

Недостаток системного критического анализа делает тему инклюзивной коммуникации актуальной для изучения связанных с ней проблем. Цель данной статьи — показать, как гендерно-инклюзивный язык, несмотря на заявленные цели равенства и уважения, порождает парадоксы и противоречия, которые требуют осмысления. Мы рассмотрим исторический контекст (феминистские реформы языка) и эволюцию инклюзивной коммуникации, связанную с трансформацией гендерного концепта, после чего проанализируем ее противоречия и парадоксы в лингвистическом, социальном и этическом измерениях. Для реализации данной цели в работе последовательно решаются две взаимосвязанные задачи, которые можно сформулировать в виде следующих исследовательских вопросов:

- Каковы лингвистические механизмы и семиотические основания парадоксов, присущих гендерно-инклюзивной коммуникации, и как они проявляются в конкретных дискурсивных практиках и нарративах (на материале публичных текстов, медиа и лексикографических источников)?
- Каким образом эти лингвистические и семиотические парадоксы трансформируются в социальные конфликты и этические дилеммы на практике, и как данный процесс интерпретируется в рамках критического дискурса-анализа с точки зрения борьбы за власть и смыслы?

2. Теоретические основы исследования: исторический контекст

Понятие языковой инклюзивности уходит корнями в 1970-е гг., когда представители феминистской лингвистики, опираясь на гипотезу Сепира-Уорфа о влиянии языка на мышление, заявили о «незаметности» женщин в языке (*invisibility of women*) и начали борьбу с андроцентризмом, ставящим мужчину в центр картины мира (Cameron 1985, Lakoff 1975, Spender 1994, Pauwels 1998 и др.). Яркой иллюстрацией андроцентризма английского языка того времени служит первое издание словаря А.С. Хорнби (ALDCE 1958 г.), для которого характерны как структурная (проявляющаяся в употреблении метагендерных *he* и *man*), так и статистическая «незаметность» женщин. Например, в иллюстративных контекстах ALDCE были представлены десятки имен знаменитых мужчин (императоров, полководцев, первооткрывателей, писателей, актеров), тогда как репертуар имен известных женщин ограничивается лишь тремя — Queen Elizabeth, Joan of Arc и Florence Nightingale. При этом патриархальные стереотипы актуализировались даже в рамках одной словарной статьи, как в примере с прилагательным BRILLIANT — *He is a brilliant scientist* («Он блестящий ученый») // *She was wearing brilliant jewels* («На ней были великолепные украшения») (Гриценко, Сергеева 2020).

Борьба за равную представленность мужчин и женщин в английском языке велась с помощью двух основных стратегий: (i) добавления женского слова к мужскому (*he and she, men and women*) и (ii) замены мужской лексемы на нейтральную (*chairman — chair*). Эта борьба оказалась успешной, и к началу 2000-х годов в авторитетных лексикографических источниках, таких как, например, седьмое издание словаря Хорнби (OALD 2005 г.), гендерная асимметрия была практически устранена. Лексикографы отказались от метагендерных *he* и *man*, сбалансировали число наименований мужчин и женщин, заполнили гендерные лакуны (*bachelor girl, jurywoman, Ms.*). В словарных статьях OALD сочетание мужских и женских контекстов способствует уже не воспроизводству, а ломке патриархальных стереотипов, как, например, в глаголе WAYER — *She never wavered in her determination to succeed* («Она ни разу не дрогнула в своем стремлении к успеху») // *His voice wavered with emotion* («Его голос дрожал от волнения») (Гриценко, Сергеева 2020).

Все эти изменения были направлены на устранение гендерной асимметрии, но сохраняли бинарную модель «мужчина–женщина». Кардинальный

сдвиг произошел во второй половине 2000-х годов, когда в западном гуманитарном знании под влиянием идей о перформативной природе гендера (Butler 1991) и под лозунгом борьбы с эссенциализмом утвердилось новое понимание гендера. Если изначально он определялся как социокультурный пол (Cameron 1985, Кирилина 1999), то теперь его стали трактовать исключительно как параметр самоидентификации индивида, который может не совпадать с биологическим полом или вообще быть с ним не связанным (Cameron 2005, Гриценко 2021). Это небинарное понимание, ставшее доминирующим в либеральных и академических кругах, изменило и цель языковой инклюзивности, которая была направлена уже не на баланс между мужчинами и женщинами, а на легитимацию нетрадиционных гендерных идентичностей (трансгендерных, небинарных).

Инклюзивные коммуникативные практики, проникнув во все сферы жизни западного общества, стали не просто рекомендацией, а часто нормативным предписанием. Продвижение новых норм осуществлялось по модели «сверху-вниз» и «снизу-вверх» одновременно, охватив ключевые институты социализации и власти. Эти нормы продвигались через переплетение академического дискурса, государственных рекомендаций, корпоративных HR-практик, медианарративов и цифровых интерфейсов, создавая эффект повсеместности. Нарушение инклюзивных гендерных конвенций могло повлечь серьезные социальные и профессиональные санкции: обвинения в трансфобии, увольнение или «отмену». Так, был уволен школьный учитель Джордан Сернек, отказавшийся использовать местоимения, выбранные его учениками-трансгендерами (Wisconsin Public Radio 2024); профессор Кэтлин Сток подверглась травле из-за своих научных взглядов (Guardian 2021); а писательница Дж. К. Роулинг была обвинена в трансфобии за твит с критикой выражения «people who menstruate» («люди, которые менструируют»), которую она сопровождала пародией на инклюзивные модификации слова women: “‘People who menstruate’... I’m sure there used to be a word for those people. Someone help me out. Wumben? Wimpund? Woomud?”¹

Примечательно, что если в консервативной части общества инклюзивные речевые новации нередко вызвали протест, то в академической среде новая гендерная идеология и ее языковые корреляты стали неоспоримой нормой. В следующих разделах мы раскроем суть современной гендерно-инклюзивной коммуникации, проанализируем механизмы ее продвижения в науке и медиа, рассмотрим ее внутренние противоречия и социальные последствия.

3. Материал и методологические основы исследования

Исследование выполнено преимущественно на англоязычном материале, поскольку феномен гендерно-инклюзивной коммуникации зародился

¹ <https://www.pravilamag.ru/entertainment/729021-djoan-u-nas-otmena-taimlain-zatyajnego-konflikta-rouling-i-obshchestva/>

и получил наиболее широкое распространение в англофонной культуре. Материалом для анализа послужил корпус текстов различной жанрово-стилевой принадлежности, позволяющий исследовать феномен гендерно-инклюзивной коммуникации как в плоскости академической рефлексии, так и в сфере публичной практики. Для выявления и критического осмысления того, как данный феномен трактуется и продвигается в рамках англоязычного научного дискурса, были проанализированы статьи, опубликованные в период с 2017 по 2025 г. в ведущих международных рецензируемых журналах (*Journal of Sociolinguistics, Gender and Language, Sociolinguistic Studies, Journal of Language and Discrimination*). Эти работы выступают в исследовании как вторичный источник, отражающий основные векторы, аргументацию и способы легитимации гендерно-инклюзивных норм в академической среде. Первичным источником, т.е. эмпирической базой для изучения реальных коммуникативных практик, их восприятия и возникающих коллизий составили публикации в онлайн-СМИ, материалы официальных сайтов американских и британских университетов, медицинских и правительственных учреждений, неправительственных организаций, а также данные из блогов и социальных медиа, охватывающие преимущественно период 2019–2025 гг. Подобное сочетание источников обеспечивает возможность сопоставления декларируемых в науке принципов с их конкретным воплощением в публичном дискурсе и позволяет выявить на этом стыке ключевые парадоксы.

Методологически работа базируется на положениях критического дискурс-анализа (Fairclough 1989, 2003, Vila & Ivanova 2020 и др.) и теории Ю.М. Лотмана о семиосфере как семиотическом пространстве культуры и языке как организующем стержне семиосферы (Лотман 1999). Обращение к критическому дискурс-анализу позволяет выйти за рамки собственно лингвистического описания рассматриваемого феномена и перейти к интерпретации языковых изменений как борьбы за власть и смыслы. Теория Ю.М. Лотмана помогает осмыслить инклюзивный язык как явление культурной динамики и семиозиса, а его внутренние противоречия как столкновение культурных кодов.

4. Анализ и результаты

4.1. Гендерно инклюзивные коммуникативные практики

На современном этапе гендерная инклюзивность в коммуникации трактуется как подход к общению, который стремится учитывать разнообразие людей, их идентичностей и опыта, чтобы никто не чувствовал себя исключенным или дискриминированным. Известное академическое издательство Wiley определяет инклюзивный язык следующим образом: «*Inclusive language refers to vocabulary and descriptions that minimize bias, and exhibit transparency and cultural awareness when referencing people, social and cultural identities, and geographical locations*» (Inclusive Language Guidelines 2026) [«Инклюзивный

язык подразумевает использование слов и описаний, которые минимизируют предвзятость и демонстрируют прозрачность и культурную осведомленность при упоминании людей, социальных и культурных особенностей, а также географических названий» (здесь и далее перевод наш. — Е.Г.).

Инклюзивная коммуникация включает широкий спектр речевых практик.

Прежде всего, это **гендерно-нейтральный язык** — использование слов, которые не указывают на пол (гендер) референта: вместо *father/mother* («отец/мать») инструкции и пособия по инклюзивной коммуникации рекомендуют использовать слово *parent* («родитель»), вместо *man/woman* («мужчина/женщина») — *person* («человек»), вместо «муж/жена» — «партнер» и т. п. Авторитетные англоязычные руководства по академическому письму, например, онлайн-ресурс Американской психологической ассоциации APA Style, предписывают воздерживаться от использования гендерно маркированных местоимений (1):

- (1) *Avoid using combinations such as “he or she,” “she or he,” “he/she,” and “(s) he” as alternatives to the singular “they” because such constructions imply an exclusively binary nature of gender and exclude individuals who do not use these pronouns* (Gender and Noun usage, 2026). [Избегайте сочетаний «он или она», «она или он», «он/она» и «он/а» в качестве альтернативы местоимению «они» в единственном числе, поскольку такие конструкции подразумевают исключительно бинарную природу пола и исключают людей, которые не используют эти местоимения.]

Декларируемая цель подобных рекомендаций — уклонение от любых предположений о гендере референта. Следуя новым нормам, авиакомпания перешла на гендерно-нейтральную формулу приветствия пассажиров (*Good morning/evening, everyone!*); в университетах сотрудникам и профессорам рекомендуют заменять обращение *ladies and gentlemen* на *colleagues* и не использовать в разговорах со студентами фразу *your mom and dad* (это считается некорректным по отношению к студентам из однополых семей). В медицинских учреждениях и профильных медицинских журналах словосочетание *pregnant women* заменяют на *pregnant people* и *pregnant patients*. (см., напр., BMC Pregnancy and Childbirth 2021); страховые компании предлагают медицинские страховки для *pregnant individuals* (Medi-Cal for Pregnancy 2026).

В 2021 г. администрация Дж. Байдена в бюджетных документах использовала термин *birthing persons* вместо *mothers*, что вызвало широкую дискуссию. Примерно в это же время активисты Американского союза защиты гражданских свобод в твите, посвященном годовщине со дня смерти известной правозащитницы и юриста Рут Бейдер Гинзбург², отредактировали одну из ее

² Рут Бейдер Гинзбург — одна из самых известных и влиятельных фигур в истории американской юриспруденции, член Верховного Суда США, основательница и главный юрист проекта по вопросам прав женщин при Американском союзе гражданских свобод (ALCU).

известных цитат о репродуктивных правах женщин, заменив местоимение *she* на *they*, а слово *woman* на *person*, что вызвало возмущение консервативных пользователей соцсетей (2).

- (2) *The decision whether or not to bear a child is central to a [person's] life, to [their] well-being and dignity ... When the government controls that decision for [people], [they are] being treated as less than a fully adult human responsible for [their] own choices.* (ACLU 2021)

[Решение о том, заводить ли ребенка, имеет центральное значение для жизни человека, для их благополучия и достоинства... Когда правительство контролирует это решение за людей, это значит, что с ними обращаются как с инфантильными (неполноценными) взрослыми, не несущими ответственности за свой собственный выбор.]

Второй важной составляющей инклюзивной коммуникации является **практика использования** так называемых **предпочитаемых местоимений** (*preferred pronouns*) — т.е. местоимений, которые человек выбирает для себя сам в соответствии со своей гендерной идентификацией (напр., *he/she*, небинарное *they* или неместоимения типа *ze, hir* и проч.). Данная практика получила особенно широкое распространение в академической среде США: студенты университетов имеют право указывать предпочитаемые местоимения при регистрации на курс; желающим предлагают значки с местоимениями, чтобы уточнить, как к ним следует обращаться (см. пример 3).

- (3) *These issues have become hot topics on college campuses in particular as some universities are investing in trans-inclusive language practices by, for instance, making 'pronoun pins' available to students who want to signal whether they should be referred to as she, he, they, or some other pronoun* (Zimman 17b: 85)

[Эти вопросы стали особенно актуальными в университетских кампусах: некоторые университеты инвестируют в инклюзивные языковые практики для трансгендерных людей, например, предоставляя студентам «значки с местоимениями», которые позволяют указать, следует ли обращаться к ним «она», «он», «они» или используя какое-либо иное местоимение.]

Сторонники «прогрессивной» гендерной идеологии включают свои местоимения в подпись при электронной переписке; некоторые исследователи указывают их в личных данных при публикации научных статей.

В настоящее время термин *preferred pronouns* считается архаичным. По мнению активистов, он содержит коннотацию выбора и индивидуального желания, а не самоопределения. Вместо него были предложены нейтральное *someone's pronouns* и выражение *correct pronouns*. Этот терминологический рефрейминг — переход от *preferred pronouns* («предпочитаемые местоимения») к *correct pronouns* («правильные местоимения») демонстрирует стремление уйти от идеи выбора/предпочтения как чего-то необязательного и

подчеркнуть ответственность собеседника за «правильное» использования местоимений (4):

- (4) *...it was once common to talk about trans people's preferred pronouns, but, in time, there was a shift from talking about preference (which may be seen as nonessential) to talking about correctness. The idea of correct pronouns (or titles, identity labels, etc.) moves the locus of the problem from the trans individual (who must make their preference known) to others (who are responsible for the "correctness" of their speech), while simultaneously validating trans identities (Zimman 2024: 5)*

[...когда-то было принято говорить о местоимениях, предпочитаемых трансгендерными людьми, однако со временем стали говорить не о предпочтениях (которые могут показаться несущественными), а о правильности. Понятие правильных местоимений <...> перемещает центр проблемы с трансгендерного человека (который должен заявить о своих предпочтениях) на собеседников (которые несут ответственность за «правильность» своей речи), одновременно подтверждая трансгендерные идентичности.]

Практика спрашивать и называть местоимения при встрече (*pronoun check*) появилась в группах трансгендеров. Ее включение в нормативные практики знакомства для общества в целом целенаправленно продвигалось, чтобы легитимизировать идею гендерного самоопределения:

- (5) *Trans people treat each individual as an ultimate source of authority on their own gender and thus a determiner of what language others should use (Zimman 2017b: 92).*

[Транслюди имеют право сами определять свой гендер и то, как к ним должны обращаться другие.]

Гендерная инклюзивность предполагает также **признание разнообразия гендерных идентичностей** и соответствующих номинаций (*non-binary, trans gender, agender, pangender, gender fluid* и т. д.) и **отказ от выражений, которые воспроизводят гендерные стереотипы и предубеждения**. В качестве примера последних приводят, в частности, патриархальные стереотипы, например, *men don't cry* («мужчины не плачут»), однако, по сути, речь идет об утверждениях типа *men can give birth* («мужчины могут рожать»): стереотипом в данном случае считается то, что рожать могут только женщины. Гетеронормативность (то есть признание, что нормой являются мужские и женские идентичности) в рамках «прогрессивной» гендерной идеологии также считается стереотипом. Для его деконструкции по аналогии с префиксом *trans-* (*transgender, trans man, trans woman*) создан префикс *cis-*, который используется для обозначения мужчин и женщин, чья гендерная идентичность совпадает с полом (*cisgender, cis man, cis woman*). Тем самым стирается немаркированный характер слов *man* и *woman*. В работах лингвистов, представляющих транс сообщество, нам встретилось определение *cis-* через *trans-* (см. пример 6 ниже), что можно интерпретировать как попытку

концептуальной реверсии (смены нормативных оснований), где *транс*- не просто равноправен, а становится отправной точкой для определения идентичности. В этом же ключе можно трактовать и понятие транснаормативности (transnormativity) (Zimman 2024), продвигаемое представителями так называемого «транс лингвистического активизма» (trans language activism):

- (6) ... *there is clearly a growing segment of the cisgender (i.e. non-transgender) population who recognise the importance of language for transgender liberation.* (Zimman 2017b: 85)

[Очевидно, что растёт доля цисгендерного (то есть не трансгендерного) населения, которое осознаёт важность языка для освобождения трансгендеров.]

Таким образом, хотя утверждается, что цель инклюзивной коммуникации — это создание безопасного и комфортного пространства для всех и уважение опыта небинарных и трансперсон, которые в традиционном языке не замечались и стигматизировались, в реальности за гендерно-инклюзивной терминологией стоит стремление перестроить систему традиционных ценностей и сконструировать альтернативную картину мира. Данный вид речевых практик порождает ряд внутренних противоречий и парадоксов, которые в академическом дискурсе до настоящего времени не получили системного освещения.

4.2. Лингвистические парадоксы инклюзивной коммуникации

С лингвистической точки зрения парадоксы гендерно-инклюзивной коммуникации связаны с ключевыми механизмами языкового моделирования мира — номинацией, категоризацией и семантикой. Стремление к инклюзивности запускает два разнонаправленных процесса. С одной стороны, имеет место унификация через внедрение гендерно-нейтральных терминов (*people, children, parents, siblings* и т.п.), призванных преодолеть бинарную оппозицию «мужское/женское». С другой стороны, происходит дифференциация традиционных гендерных категорий: понятия «мужчина» и «женщина» дробятся на «цисгендерных» и «трансгендерных» с целью деконструкции гетеронормативности. Таким образом, инклюзивный язык одновременно стремится стереть и умножить гендерные различия, создавая системное противоречие в своей категориальной основе.

Ключевым вызовом становится переопределение базовых категорий *man* и *woman*. Инклюзивные определения мужчины и женщины, наряду с традиционными, кодифицируются. Например, в декабре 2022 г. инклюзивные определения слов *woman* и *man* были включены в Кембриджский словарь (7,8):

- (7) *WOMAN* — 1. *an adult female human being*; 2. *an adult who lives and identifies as female though they may have been considered to have a different sex at birth: e.g., Mary is a woman who was assigned male at*

birth (<https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/woman?q=woman+>)

[ЖЕНЩИНА — 1. взрослая женщина (буквально: взрослая особь женского пола); 2. женщина, которая живет и идентифицирует себя как женщина, хотя при рождении ей могли приписать другой пол: например, Мэри — женщина, которой при рождении был присвоен мужской пол.]

- (8) *MAN* — 1) *an adult male human being*; 2) *an adult who lives and identifies as male though they may have been considered to have a different sex at birth: e.g., Connor is a man who was assigned female at birth.* <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/man>.

[МУЖЧИНА — 1. взрослый мужчина (буквально: взрослый человек мужского пола); 2. человек, который живет и идентифицирует себя как мужчина, хотя при рождении ему мог быть присвоен другой пол: напр., Коннор — мужчина, которому при рождении был присвоен женский пол.]

В гендерно-инклюзивной картине мира определения, опирающиеся на биологические признаки, замещаются дефинициями, основанными исключительно на самоидентификации («женщина — человек, который идентифицирует себя как женщина»; «мужчина — человек, который идентифицирует себя как мужчина»). Это порождает семантическую тавтологию, где значение термина объясняется через его же производные, что приводит к концептуальной неопределенности. Конфликт между объективным (биологическим) и субъективным (идентификационным) подходами к значению создает зону семантического напряжения, разрешить которую в рамках одного языкового знака проблематично.

Наряду с этим, инклюзивный язык демонстрирует прагматический сдвиг, когда коннотативное (дополнительное, идеологически окрашенное, «индексальное») значение слов вытесняет их денотативное (основное, предметное) значение. Использование предпочитаемых местоимений или гендерно-нейтральных номинаций зачастую функционирует как индекс идеологической позиции и/или политической ориентации говорящего, иллюстрируя «выдвижение подтекста» (Чернявская 2021) — гендерно значимых пресуппозиций и импликатур. В подобных случаях коммуникативная функция (информирование) уступает место функции символической, сигнализируя принадлежность говорящего к определенной ценностной группе (Eslami et al. 2023). Ярким примером является публичное указание «своих» местоимений политиками и другими известными персонами, чья гендерная идентичность не вызывает вопросов (Гриценко 2025). Например, известная представительница Демократической партии США Камала Харрис прибегала к данной тактике как в ходе предвыборной кампании 2020 г. (Equality 2019), так и во время своего пребывания на посту вице-президента США. Например, в июле 2022 г. она начала свое выступление на Круглом столе, посвященном годовщине

подписания Закона о поддержке людей с ограниченными возможностями (Americans with Disabilities Act), следующими словами (9):

- (9) *I am Kamala Harris. My pronouns are 'she' and 'her,' and I am a woman sitting at the table wearing a blue suit.* (Remarks 2022).

[Меня зовут Камала Харрис. Я использую местоимения «она» и «её», и я женщина, сидящая за столом в синем костюме.]

Примечательно, что исследование гендерно-нейтральных форм в учебных материалах и брошюрах для студентов, созданных профессорами парижских университетов (Burnet & Pozniak 2021), также выявило, что инклюзивный язык используется не только для гендерно-нейтральной референции, но и как способ индексации политической принадлежности автора.

Искусственное внедрение инклюзивных норм вступает в противоречие с принципами конвенциональности и системности языка, сформулированными Фердинандом де Соссюром. Связь между означающим и означаемым устойчива благодаря общественному договору. Инклюзивный язык, переопределяя значения слов в отрыве от устоявшихся конвенций, воспринимается как насильственное вмешательство в языковую систему. У Соссюра значение элемента языка определяется его местом в системе противопоставлений. Нивелирование гендерно-маркированных оппозиций — замена *women/girls* на *people/children* в контекстах, где гендер критически важен, например, в случаях насилия — нарушает сложившуюся систему смысловозначения, приводя к потере семантических оттенков и коммуникативной точности. Пример одной из таких «инклюзивных» замен приводит в своем блоге «*language: A feminist guide*» известный британский социолингвист Дебора Камерон. Речь идет о трагическом инциденте в г. Саутпорт летом 2024 г., когда жертвами подростка с ножом стали несколько девочек (участницы занятия по йоге и танцам) и их матери. При этом в сообщениях полиции, заявлениях правительства и публикациях СМИ для описания жертв использовался гендерно-нейтральный язык (*children, adults*), что привело к сокрытию ключевой характеристики преступления: гендерный характер насилия был стерт из официального нарратива (10):

- (10) *In everything from the Home Secretary's official response to the reports in newspapers and on TV, we were told that the Southport attacker targeted "children", along with a smaller number of "adults", at a Taylor Swift-themed yoga and dance class. None of these sources acknowledged that most or perhaps even all of the victims were girls and women...* (A Modest proposal 2024).

[Во всех сообщениях, начиная с официального ответа министра внутренних дел и заканчивая сообщениями в газетах и на телевидении, нам говорили, что нападавший в Саутпорте выбрал своей целью «детей» и нескольких «взрослых» на занятиях йогой и танцами под музыку Тейлор Свифт. Ни один из этих источников не признал, что большинство или, возможно, даже все жертвы были девочками и женщинами.]

Продвижение гендерно-инклюзивных практик ведет также к нарушению синхронической стабильности. По Соссюру, язык в каждый конкретный момент времени (синхрония) представляет собой относительно стабильную систему. Искусственное внедрение (навязывание, политизация) языковых норм приводит к нарушению этой стабильности. Показательна в этой связи ситуация в США, где исполнительный указ президента Трампа от 20 января 2025 г. законодательно закрепил требование ориентироваться на биологический пол и отмену гендерно-инклюзивного языка в федеральных документах (Presidential Actions 2020). На сайтах федеральных медицинских организаций, таких как the US Department of Health and Human Services (HHS) и Center for Disease Control and Prevention (CDC), больше не используются термины «pregnant people», «birthing persons» и подобные. В результате в одном коммуникативном пространстве параллельно и на официальном уровне существуют две конкурирующие языковые модели: федеральная, основанная на традиционном понимании гендера и пола, и «прогрессивная», по-прежнему практикуемая в ряде демократических штатов (например, в Калифорнии), где сохраняется гендерно-нейтральная терминология в правительственных и медицинских учреждениях (см. примеры 11–12). Это создает уникальный прецедент, когда синхроническое состояние языка становится не единым для лингвокультурного сообщества, а политически фрагментированным, что противоречит принципу синхронической стабильности.

- (11) *All pregnant individuals in California are eligible for screening* (CDPH 2025)

[Все беременные люди в Калифорнии имеют право на обследование (Программа пренатального скрининга, сайт департамента здравоохранения Калифорнии)];

- (12) *...we offer a range of culturally appropriate health care services for pregnant patients* (UCFS Health 2025)

[...мы предлагаем ряд медицинских услуг, соответствующих культурным особенностям беременных пациентов (сайт клиники Университета Сан-Франциско)].

По Соссюру, языковые изменения — это результат медленного, стихийного общественного согласия. Инклюзивный язык и его продвижение является следствием целенаправленной деятельности активистов и политических групп, что противоречит принципу органичной социально обусловленной эволюции языка.

Таким образом, лингвистические парадоксы гендерно-инклюзивной коммуникации коренятся в фундаментальном противоречии между декларируемым стремлением к социальной справедливости и законами функционирования языка как знаковой системы. Напряжение возникает на уровнях категоризации (унификация vs. дифференциация), семантики (тавтологичность определений) и прагматики (доминирование коннотации над денотацией), а также в области базовых языковых конвенций.

4.3. Социальные и этические парадоксы инклюзивной коммуникации

Целью данного раздела является демонстрация того, как внутренние лингвистические противоречия инклюзивной коммуникации материализуются в реальных общественных практиках, порождая комплексные проблемы. В этом контексте разделение на строго социальные и строго этические парадоксы затруднительно и методологически нецелесообразно. Каждый рассматриваемый ниже пример одновременно раскрывает и этическую дилемму (что правильно? что справедливо?), и ее социальные последствия (кто исключен? какой возникает конфликт?). Такой интегрированный подход, созвучный принципам критического дискурса-анализа, позволяет проследить, как языковые нормы становятся инструментом социального управления и полем этической борьбы.

Гендерно-нейтральный язык, провозглашающий своей целью достижение инклюзивности и устранение дискриминации, на практике порождает комплекс этических и социальных противоречий. Его нормативное предписание вступает в конфликт с такими фундаментальными ценностями, как свобода слова, точность коммуникации, справедливость и уважение к культурному опыту. Наиболее очевидное противоречие заключается в том, что меры, направленные на создание инклюзивной среды, могут сами становиться инструментом исключения. Требование обязательного признания новой гендерной идеологии и использование инклюзивного языка под угрозой профессиональных санкций (так называемая «культура отмены») создает ситуацию, при которой инклюзивность для одной группы обеспечивается за счет маргинализации другой — тех, кто по религиозным, культурным или философским причинам не принимает новые нормы. Это трансформирует язык из средства коммуникации в инструмент идеологической лояльности, порождая социальную поляризацию.

Нарастающая напряженность вокруг вопросов, связанных с гендером и инклюзивностью, проявляется не только в политическом противостоянии между демократами и республиканцами в США, лейбористами и консерваторами в Великобритании, но и выливается в острые общественные конфликты вплоть до трагических событий, подобных убийству консервативного активиста Чарли Керка в США. Более того, политические аналитики — даже те, кто придерживаются либеральных взглядов, например, Фарид Закария³ — связывают такие явления, как победа Дональда Трампа на выборах 2024 г., «усталостью» части общества (включая традиционный электорат демократов) от агрессивного продвижения политики идентичности, центральным элементом которой стал инклюзивный язык (*New York Post* 2024). Таким образом,

---

³ Фарид Рафик Закария — один из влиятельных и популярных американских политических аналитиков, ведущий программы *Fareed Zakaria GPS* на канале CNN (<https://edition.cnn.com/shows/fareed-zakaria-gps>)

стремление к тотальной инклюзивности парадоксальным образом приводит к углублению социальных разломов.

Стремление к универсальности оборачивается риском элиминации конкретного исторического, культурного и социального опыта традиционных гендерных групп. Замена гендерно-маркированных терминов на нейтральные в определенных контекстах приводит к этическим и коммуникативным потерям. Например, замена слова *women* на *pregnant people* или *birthing persons* обесценивает культурный и личный опыт материнства, значимый для многих женщин, а замена *woman* и *she* на *people* и *they* в текстах Рут Гинзбург стирает опыт многолетней борьбы американских женщин за право голоса в вопросах, касающихся репродуктивных прав. Опыт «бытия мужчиной» или «женщиной» в культуре имеет собственную ценность и внутреннее наполнение, не сводимое к вопросу о соответствии полу. Новая терминология делает этот опыт невидимым.

Наиболее остро социальные и этические противоречия, связанные с использованием инклюзивного языка, проявляются в дискурсе о насилии. Ярким примером служит дело о систематическом сексуальном насилии над сотнями несовершеннолетних девочек со стороны мужчин преимущественно пакистанского происхождения в г. Ротереме (Великобритания). Хотя практически все идентифицированные жертвы были именно девочками-подростками, официальный язык отчетов и расследования данного дела последовательно избегает гендерно-специфичной лексики. В средствах массовой информации, в Википедии и даже в публикации на сайте Национального уголовного агентства эти преступления описываются как «насилие над детьми» (см. примеры 13 и 14). О том, что жертвами были девочки, упоминается вскользь или не упоминается вообще.

- (13) ... *the NCA's investigation into child sexual abuse in Rotherham; <...> the single largest law enforcement investigation into non-familial child sexual exploitation and abuse in the UK. (Operation Stonewood 2022)*
[... расследование Национального агентства по борьбе с преступностью (NCA) по факту сексуального насилия над детьми в Ротереме; <...> крупнейшее в Великобритании расследование правоохранительных органов по факту внесемейной сексуальной эксплуатации и насилия над детьми.]
- (14) *Between 1997 and 2013, around 1,400 children were sexually exploited in Rotherham, UK, by grooming gangs (Humanium 2025)*
[В период с 1997 по 2013 год около 1400 детей подверглись сексуальной эксплуатации в Ротереме, Великобритания, со стороны групп, занимавшихся совращением несовершеннолетних.]

Подобный лингвистический выбор, хотя формально и инклюзивный, фактически стирает гендерный характер преследования и затрудняет выработку целевых мер защиты. Это создает социальный и этический парадокс: язык, призванный быть инклюзивным, маргинализирует страдания и опыт конкретной группы лиц, делая его невидимым в публичном пространстве.

Еще один ключевой парадокс касается столкновения идеологии и науки. Попытки переопределения языковых категорий порождают конфликт между уважением к индивидуальной идентичности и объективными биологическими реалиями. Утверждения типа «мужчины могут рожать», относящиеся к трансгендерным мужчинам, создают лингвистический разрыв: традиционный денотат слова «мужчина» исключает возможность беременности и материнства (14):

- (15) *Transgender man who gave birth slams nurses who called him 'Mom'*
(New York Post 2021) [Трансгендерный мужчина, родивший ребенка, обрушился с критикой на медсестер, которые называли его «мамой».]

Данный конфликт переходит в этическую и социальную плоскость в таких областях, как спорт, где участие трансгендерных женщин (биологических мужчин) в женских соревнованиях ставит принцип инклюзивности в прямое противоречие с принципом справедливости и равных условий для обычных женщин. В результате язык, призванный устранять несправедливость, становится катализатором и источником новых конфликтов.

В аспекте межкультурной коммуникации активное продвижение инклюзивного языка, созданного в рамках англоязычного дискурса, нередко воспринимается в других лингвокультурах как форма неоимпериализма. В языках с грамматическим родом (напр., русский, испанский) внедрение гендерно-нейтральных конструкций выглядит искусственным и разрушающим естественную структуру языка. Классическим примером является попытка навязать испаноязычному миру гендерно-нейтральный суффикс *-x* (*Latinx*), созданный в англофонной академической среде. Данный суффикс оказался чуждым фонетике и грамматике испанского языка и не получил сколько-либо значимого распространения среди самих носителей (Salinas & Lozano 2021). По данным Исследовательского центра Pew, лишь 3 % жителей США используют этот термин, в то время как подавляющее большинство его не признает (Pew Research Center 2020). В качестве органичной инициативы, зародившейся внутри испаноязычного сообщества, предлагается суффикс *-e*, который фонетически интегрируем и не нарушает языковых норм.

Названная проблема выходит далеко за рамки лингвистического удобства и упирается в более глубокий конфликт — неокOLONиальный по своей сути. Как справедливо отмечают Р. Борба и М.Р. Сильва (Borba & Silva 2024), лингвистические стратегии и слова, созданные в рамках дискурса Глобального Севера, оказываются неспособными передать сложный опыт гендерных групп и сообществ Глобального Юга, чья жизнь определяется сложным переплетением расы, класса, территории, происхождения, религиозности, многоязычия и насилия:

- (16) *...linguistic strategies and vocabularies forged in the Global North are unable to capture the experiences of travestis, muxes, bakla, hijras, fakaleiti, bissu, fa'afafine, kathoey and others whose gendered lives*

are embodied at the intersection of race, class, territory, ancestry, religiosity, multilingualism and violence (Borba & Silva 2024: 11).

[... лингвистические стратегии и термины, созданные в странах Глобального Севера, не способны отразить опыт трансвеститов, мухесов, хиджр, факалейти, биссу, фаафафине, катоев и других локальных групп, чья жизнь определяется пересечением расы, класса, территории, происхождения, религиозности, многоязычия и насилия.]

В результате глобализирующий подход англоцентричной инклюзивной лингвистики парадоксальным образом игнорирует истинное разнообразие гендерного опыта, которое он призван защищать, и встречает сопротивление как со стороны широких слоев общества, так и со стороны самих маргинализованных групп Глобального Юга.

Как видим, практика инклюзивной коммуникации демонстрирует ряд системных этических и социальных парадоксов, балансируя между принудительностью и свободой, универсальностью и уникальностью опыта, идеологическими целями, а также биологическими и социальными реалиями.

5. Обсуждение результатов

Феномен гендерно-инклюзивного языка, рассмотренный выше в аспекте внутренних противоречий и парадоксов, требует теоретического осмысления, выходящего за рамки чисто лингвистического подхода. Критический дискурс-анализ (КДА) и теория семиотической модели коммуникации Ю.М. Лотмана предлагают мощные инструменты для интерпретации этих процессов как борьбы за власть и смыслы в динамике культурного развития. Если критический дискурс-анализ фокусируется на синхронном измерении власти — на том, как язык используется для доминирования, легитимации и исключения в текущем социальном поле, — то теория Лотмана позволяет осмыслить эти конфликты в диахронической перспективе, как фазу динамического, а часто и «взрывного» развития самой культуры. Их сочетание дает возможность увидеть в гендерно-инклюзивном языке одновременно инструмент актуальной идеологической борьбы и симптом глубинного культурного сдвига.

С позиции критического дискурс-анализа (Fairclough 1989, 2003, Vila & Ivanova 2020) продвижение инклюзивного языка представляет собой не столько лингвистическую либерализацию, сколько оспаривание доминирующих нарративов и установление нового дискурса власти. Этот дискурс выполняет функцию перераспределения символического капитала (Bourdieu 1989): он легитимирует одни социальные группы (транс- и небинарные люди) и одновременно делегитимирует другие, чьи позиции основаны на традиционных категориях («биологических» женщин и мужчин, сторонников традиционной гендерной идеологии, религиозных консерваторов и др.). Данный процесс реализуется в нескольких измерениях:

- использование предпочитаемых местоимений или выражений типа *birthing persons* функционирует как аккумуляция символического капитала в «прогрессивном» социальном поле;
- прагматический сдвиг, при котором коннотативное значение (сигнал о принадлежности к группе) вытесняет денотативное (информацию о референте), превращает язык в инструмент идеологического позиционирования — маркер идеологической лояльности;
- закрепление новых норм через механизмы корпоративных политик, правил общения в академической среде и медийного давления демонстрирует, что инклюзивность трансформируется из этической рекомендации в нормативное предписание. Такие практики, как увольнение и «отмена» инакомыслящих, обнажают ключевой парадокс — дискурс, борющийся с исключением, сам порождает новые формы исключения, основанные на идеологической дисциплине.

Таким образом, критический дискурс-анализ раскрывает инклюзивную коммуникацию как дискурсивную технологию власти, которая, маскируясь под этический императив, осуществляет передел символического капитала и устанавливает новые режимы идеологической лояльности. Однако этот анализ оставляет открытым вопрос о более фундаментальных, культурно-исторических причинах столь радикальной перекодировки базовых понятий. Ответ на него предлагает семиотический подход.

Семиотическая теория Ю.М. Лотмана позволяет интерпретировать текущие языковые конфликты как закономерный этап культурной динамики. Лотман рассматривал культуру как сложную систему, основанную на накоплении, сохранении и передаче информации. Ключевое понятие его концепции — семиосфера — это «семиотическое пространство», необходимое для существования и функционирования языков культуры. Структура семиосферы асимметрична: она включает ядро (традиционные, устойчивые коды) и периферию (новые, маргинальные коды). Традиционная гендерная бинарность длительное время составляла ядро семиосферы западной культуры. Гендерно-инклюзивный язык, зародившийся на ее периферии как маргинальный код, совершил резкий, «взрывной» прорыв в ядро, запустив процесс перекодировки. Попытка периферийных кодов переопределить ядро семиосферы вызывает борьбу за языковые формы. Описанные выше лингвистические парадоксы — унификация и дробление, тавтологичность определений и проч. — можно рассматривать как симптомы этой перекодировки. Старая система значений (*woman = adult human female*) отвергается сторонниками инклюзивного языка как дискриминирующая⁴; новая, основанная на самоидентификации, не обрела устойчивых семантических контуров, что порождает нестабильность.

---

⁴ Характеристика традиционного дискурса как репрессивного (*oppressive linguistic structures and practices*) содержится, напр., в статье Л. Зиммана *Trans language activism and intersectional coalitions* (Zimman 2024: 7):

Ю.М. Лотман различает коммуникацию с Другим (передача информации в канале «Я — Он») и автокоммуникацию (канал «Я — Я»), трактуемую как общение, направленное на укрепление собственной идентичности. Важным отличительным признаком автокоммуникации в его понимании является редукция слов соответствующего языка, которые «будут иметь тенденцию превращаться в знаки слов — индексы знаков» (Лотман 1999: 169). Гендерно-инклюзивный язык функционирует как инструмент автокоммуникации: используя его, «прогрессивное» сообщество прежде всего подтверждает свои границы и ценности, отделяя себя от «чужих» кодов. Это объясняет, почему язык становится полем столь ожесточенной борьбы — речь идет не только о словах, но о конституировании самой группы.

В терминах Лотмана, лингвистические парадоксы инклюзивного языка — это следствие того, что новый гендерный код (основанный на самоидентификации) и старый код (основанный на биосоциальных категориях) лишены общего метаязыка для перевода. Их противостояние является не просто спором о словах, а столкновением несоизмеримых картин мира. Прагматический сдвиг, когда слово становится «индексом знака», идеологическим маркером (что фиксирует КДА), с точки зрения Лотмана есть признак перехода языка в режим интенсивной автокоммуникации, где его главная функция — не передача информации вовне, а консолидация групповой идентичности и постоянное проведение границы со «своим» культурным пространством.

Наиболее драматично социальные и этические противоречия проявляются в ситуациях, где гендерная инклюзивность вступает в конфликт с безопасностью и юридической точностью. Ярким примером служит дело о систематическом сексуальном насилии над девочками в г. Ротереме. С точки зрения критического дискурс-анализа, замена точных формулировок («пакистанские мужчины-мигранты насилуют белых девочек») на гендерно- и этнически-нейтральные («насилие над детьми») представляет собой классическую дискурсивную практику сокрытия. Власть, в лице местных администраций и полиции, использует язык не для решения проблемы, а для ее нивелирования, подменяя конкретный анализ абстрактной риторикой. С точки зрения теории Лотмана, здесь сталкиваются два несовместимых культурных кода: код «политической корректности» (требующий избегать стигматизации этнических меньшинств) и код «защиты женщин и детей» (требующий называть вещи своими именами). «Взрывной» код политкорректности подавил традиционный код защиты, поставив язык в семиотическую ловушку, выход из которой оказался сопряжен с прямым ущербом для безопасности и справедливости.

Эпизод в Ротереме служит емкой иллюстрацией того, как описанные теоретически механизмы работают в трагической реальности. Он демонстрирует конвергенцию властного дискурса (КДА) и семиотического конфликта (Лотман): абстрактная риторика инклюзивности была использована властными институтами для сокрытия конкретной социальной проблемы, что привело к

семантическому коллапсу, в котором язык утратил способность адекватно описывать реальность.

Таким образом, инклюзивная коммуникация предстает как сложный и далеко не однозначный феномен. Критический дискурс-анализ раскрывает ее природу как инструмента власти и идеологической борьбы, а теория Ю.М. Лотмана — как симптом и катализатор глубокого культурного «взрыва». Парадокс, при котором стремление к инклюзивности оборачивается исключением и наносит вред, является системным следствием того, что язык становится полем борьбы за определение реальности. Эта борьба ведется между конкурирующими системами ценностей, властными институтами и культурными кодами, определяющими саму возможность высказывания.

6. Заключение

Проведенный анализ показывает, что гендерно-инклюзивная коммуникация, провозглашающая своей целью создание справедливого и равного для всех языкового пространства, на практике порождает комплекс системных противоречий и парадоксов в лингвистической, социальной и этической областях.

Лингвистические парадоксы коренятся в самой структуре языка. Стремление к инклюзивности приводит к одновременной унификации (нивелированию бинарных оппозиций) и дифференциации (дроблению категорий «мужчина» и «женщина»), что создает конфликт в категориальной основе языка. Переопределение базовых понятий через самоидентификацию ведет к семантической тавтологии и концептуальной неопределенности. Искусственное внедрение новых норм нарушает принципы конвенциональности, системности и синхронической стабильности языка, постулированные Ф. де Соссюром, а также ведет к потере коммуникативной точности в критически важных контекстах.

Социальные и этические противоречия оказываются не менее острыми. Язык как инструмент, призванный обеспечивать инклюзивность, сам становится механизмом исключения и маргинализации для инакомыслящих, что наглядно демонстрирует практика «отмены» и увольнений. Стремление к универсальности оборачивается стиранием конкретного исторического и культурного опыта традиционных гендерных групп, например, в дискурсе о материнстве или сексуальном насилии (события в Роттереме). Кроме того, наблюдается конфликт между идеологией инклюзивности и объективными биологическими реалиями, что порождает новые формы несправедливости, например, в спортивных состязаниях. Межкультурный аспект выявляет неоимпериалистический характер явления: попытки навязать англоцентричные лингвистические модели (напр., суффикс «-х» в испанском) игнорируют грамматические и культурные особенности других языков и встречают обоснованное сопротивление, в том числе со стороны маргинализированных сообществ Глобального Юга.

Теоретическое осмысление через призму критического дискурс-анализа позволяет интерпретировать инклюзивный язык не как нейтральный инструмент, а как дискурсивную практику власти, направленную на перераспределение символического капитала и утверждение «прогрессивной» гендерной идеологии. В рамках семиотической теории Ю.М. Лотмана этот феномен предстает как культурный «взрыв», при котором периферийный код пытается переопределить ядро семиосферы, что приводит к ожесточенной борьбе за смыслы и значения.

Таким образом, гендерно-инклюзивная коммуникация оказывается полем напряженного конфликта между конкурирующими системами ценностей, властными интересами и культурными кодами. Ее внутренние противоречия носят системный характер и не могут быть разрешены в рамках чисто лингвистических реформ, требуя открытого общественного диалога о пределах языкового конструирования реальности, ценности биологических и культурных фактов, а также балансе между стремлением к инклюзивности и фундаментальными правами человека, такими как свобода совести и слова.

Список литературы / References

- Боженко Ю.С., Эм Л.С., Калиновская Е.А. Языковые признаки гендерной нейтральности в английском и русском языках (на примере интернет-публикаций) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2022. № 15 (5). С. 1543–1547. [Bozhenko, Yulia S., Ludmila S. Ehm & Elena A. Kalinovskaya. 2022. Linguistic signs of gender neutrality in the English and Russian language (by the example of the internet publications). *Philology. Theory & Practice* 15 (5). 1543–1547. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.30853/phil20220260>
- Васькова О.А. Представление гендера в английских фразеологических словарях // *Гендер: язык, культура, коммуникация: доклады Третьей международной конференции*. (Москва, 27–28 ноября, 2003 г.) С. 27–30. [Vas'kova, Oksana A. 2003. Predstavlenie gendera v angliiskikh frazeologicheskikh slovaryakh (Representation of gender in English phraseological dictionaries). *Gender: Yazyk, kul'tura, kommunikatsiya: Proceedings, III International Conference (Moscow, November 27–28)*. 27–30. (In Russ.)].
- Гриценко Е.С. О современных тенденциях в лингвистическом изучении гендера, его концептуализации и репрезентации (на материале английского языка) // *Вопросы психолингвистики*. 2021. №3 (49). С. 60–73. [Gritsenko, Elena S. 2021. New trends in the linguistic study of gender, its conceptualization and representation in modern English. *Journal of Psycholinguistics* 3 (49). 60–73. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2021-49-3-60-73>
- Гриценко Е.С. Гендерные аспекты манипулирования в политической риторике (на материалах английского языка) // *Вестник РГГУ. Серия: «Литературоведение. Языкознание. Культурология»*. 2025. № 3. С. 67–75. [Gritsenko, Elena S. 2025. Gender-based manipulations in political rhetoric (based on the English language material). *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series* 3. 67–75. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2025-3-67-75>
- Гриценко Е.С., Сергеева М.В. Современные тенденции в концептуализации гендера и их отражение в британской толковой лексикографии // *Вопросы лексикографии*. 2020. № 18. С. 22–51. [Gritsenko, Elena S. & Marina V. Sergeeva. 2020. Current trends in gender conceptualization and their reflection in English Learner's Dictionaries.

Voprosy lexicografii — Russian Journal of Lexicography 18. 22–51. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17223/22274200/18/2>

- Добровольский Д.О., Кирилина А.В. Феминистская идеология в гендерных исследованиях и критерии научности // *Гендер как интрига познания*: сб. статей. М.: Рудомино, 2000. С. 19–35. [Dobrovolskii, Dmitrii O. & Alla V. Kirilina. 2000. Feministskaya ideologiya v gendernykh issledovaniyakh i kriterii nauchnosti (Feminist ideology in gender studies and scientific criteria). *Gender as an Intellectual Puzzle: Collected Articles*. 19–35. Moscow.: Rudomino. (In Russ.)].
- Евтушенко О.В. Перевод на русский: к обсуждению влияния инноваций в языке на национальный менталитет // *Перевод как профессия, наука, творчество*. Сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Т. 1. Москва, Изд-во МГЛУ, 2023. С.10–18. [Evtushenko, Olga V. 2023. Perevod na russkii: k obsuzhdeniyu vliyaniya innovatsii v yazyke na natsional'nyi mentalitet (Translation into Russian: Language innovation and its impact on national mentality). *Translation as a Profession, a Science, and an Art*. Conference Proceedings Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Vol. 1. 10–18. Moscow: MGLU. (In Russ.)].
- Зими́на Е.В., Авилова Е.А., Аслаева Ю.Г. Анализ гендерно-нейтральной лексики в деловом общении современных предпринимателей // *Экономика и предпринимательство*. 2024. 8 (169). С. 838–841. [Zimina, Evgeniya V., Avilova E.A., & Aslaeva Y.G. 2024. Analiz genderno-neitral'noi leksiki v delovom obshchenii sovremennykh predprinimatelei (Analysing gender-neutral words in business communication of Russian Entrepreneurs). *Economics and Entrepreneurship* 8 (169). 838–841. (In Russ.)].
- Кирилина А.В. *Гендер: Лингвистический аспект*. М.: Изд-во «Институт социологии РАН», 1999. [Kirilina, Alla V. 1999. *Gender: Lingvisticheskii aspekt (Gender: A Linguistic Perspective)*. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)].
- Кирилина А.В. Гендерные исследования в зарубежной и российской лингвистике (Философский и методологический аспекты) // *Общественные науки и современность*, 2000. 4. С.138–143. [Kirilina, Alla V. 2000. Gendernye issledovaniya v zarubezhnoi i rossiiskoi lingvistike (Filosofskii i metodologicheskii aspekty) (Gender studies in Russia and abroad: Philosophic and methodological aspcts. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* 4.138–143. (In Russ.)].
- Кирилина А.В. Семиотические особенности гендерных репрезентаций в современной России [Semiotic features of gender representations in contemporary Russia]. (In Russ.) // *New Approaches to Gender and Queer research in Slavonic Studies. Proceedings of the International Conference “Language as a Constitutive Element of a Gendered Society — Developments, Perspectives and Possibilities in the Slavonic Languages* (Innsbruck, 1–4 October 2014). In (ed.) Dennis Scheller-Boltz. Serie: Die Welt der Slaven. Sammelbände. Band 59. Harrasowitz Verlag. Wiesbaden, 2015. 33–49.
- Кирилина А.В. Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия // *Вопросы психолингвистики*. 2021. 3 (49). 109–147. [Kirilina, Alla V. 2021. Gender and gender linguistics at the border of the millennium. *Journal of Psycholinguistics* 3 (49). 109–147. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2021-49-3-109-147>
- Ковалева Е.В., Кошмина А.С., Власенко Н.И. Гендерная нейтральность языка и ее влияние на языковые нормы // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика*. 2022. 12 (3). 68–76. [Kovaleva, Ekaterina V., Anna S. Koshmina & Natalya I. Vlasenko. 2022. Gendernaya neutral'nost' yazyka i ee vliyanie na yazykovye normy (Gender neutrality and its influence on language norms). *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogy* 12 (3). 68–76. (In Russ.)].

- Леонтович О.А. Политическая корректность, инклюзивный язык и свобода слова: динамика понятий // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. 25 (1). 194–220. [Leontovich, Olga A. 2021. The dynamics of political correctness, inclusive language and freedom of speech. *Russian Journal of Linguistics* 25 (1). 194–220. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-194-220>
- Леонтович О.А. Лингвоэтические аспекты политической корректности // *Язык и культура*. 2025. № 69. С. 59–82. [Leontovich, Olga A. 2025. Linguistic and ethical aspects of political correctness. *Language and Culture* 69. 59–82. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.17223/19996195/69/3>
- Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1999. [Lotman, Yury M. 1999. *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek — tekst — semiosfera — istoriya* (Inside the thinking worlds: Man — text — semiosphere — history). Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. (In Russ.)].
- Майба В.В. Политическая корректность как лингвоидеологическое явление и ее рецепция в русской лингвокультуре. Ростов-на-Дону: РГУПС, 2016. [Majba, Vita V. 2016. *Politicheskaya korrektnost' kak lingvoideologicheskoe yavlenie i ee recepciya v russkoi lingvokul'ture* (Political correctness as a lingua-ideological phenomenon and its reception in Russian culture). Rostov-on-Don: Rostov State Transport University. (In Russ.)].
- Маринина Е.В. О некоторых тенденциях языковой политики США и Великобритании // *Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2012. 2. С. 78–86. [Marinina, Elena V. 2012. O nekotorykh tendentsiyakh yazykovoï politiki USA i Velikobritanii (On recent trends in the language policy of the USA and Great Britain). *Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication* 2. 78–86. (In Russ.)].
- Маслова Л.Н. Научная дискуссия как институциональный феномен // *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. 2010. 584. 189–199. [Maslova, Lubov N. 2010. Nauchnaya diskussiya kak institutsional'nyi fenomen (Academic discussion as an institutionalized phenomenon). *Vestnik of Moscow State Linguistic University* 584. 189–199. (In Russ.)].
- Себрюк А.Н. Об учете андроцентризма и гендерной асимметрии в обучении современному английскому языку // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики*. 2017. № 1. С. 75–85. [Sebryuk, Anna N. 2017. Ob uchete androtsentrizma i gendernoï asimmetrii v obuchenii sovremennomu angliiskomu yazyku (Considering androcentrism and gender asymmetry in teaching modern English). *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin* 1. 75–85. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.15593/2224-9389/2017.1.8>
- Чернявская В.Е. Социальное значение в зеркале политической корректности // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2021. 18 (2). С. 383–399. [Chernyavskaya, Valeria E. 2021. Social meaning in the mirror of political correctness. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature* 18 (2). 383–399. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.208>
- Шаров К.С. На темной стороне политкорректности: гендерно-нейтральный новояз // *Вопросы философии*. 2010. № 3. С. 30–43. [Sharov, Konstantin S. 2010. Na temnoi storone politkorrektnosti: genderno-neitral'nyi novoyaz (On the black side of political correctness: Gender-neutral newspeak. *Voprosy Filosofii* 3. 30–43. (In Russ.)].
- Abbou, Julie. 2023. Inclusive writing. *Gender and Language* 17 (2). 148–173. <https://doi.org/10.1558/genl.20021>
- Balbach, Anna-Maria. 2025. Emilia, Noah, or Charly? Current Developments of Boys', Girls' and Gender-Neutral Names in Germany and Other (European) Countries. *Sociolinguistic Studies* 19 (1–2). 36–66. <https://doi.org/10.3138/SS-2024-0021>

- Baran, Dominika. 2023. Defending Christianity from the ‘rainbow plague’: Historicised narratives of nationhood in the anti-genderism register in Poland. *Gender and Language* 17 (1). 77–101. <https://doi.org/10.1558/genl.18548>
- Bilá, Magdalena & Svetlana Ivanova. 2020. Language, culture and ideology in discursive practices. *Russian Journal of Linguistics* 24 (2). 219–252. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-2-219-252>
- Borba, Rodrigo & Maria Rafaela Silva. 2024. Trans language activism from the Global South. *Journal of Sociolinguistics* 28. 9–14. <https://doi.org/10.1111/josl.12658>
- Bourdieu, Pierre. 1989. Social space and symbolic power. *Sociological Theory* 7 (1). 14–25. <https://doi.org/10.2307/202060>
- Burnett, Heather & Pozniak Celine. 2021. Political dimensions of gender inclusive writing in Parisian universities. *Journal of Sociolinguistics* 25. 808–831. <https://doi.org/10.1111/josl.12489>
- Butler, Judith. 1990. *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New York and London: Routledge.
- Cameron, Debora. 1985. *Feminism and Linguistic Theory*. The MacMillan Press LTD. London and Basingstoke.
- Cameron, Debora. 2005. Language, gender, and sexuality: Current issues and new directions. *Applied Linguistics* 26 (4). 482–502. <https://doi.org/10.1093/applin/ami027>
- de Bres, Julia. 2024. Decolonising trans-affirming language in Aotearoa. *Journal of Sociolinguistics* 28 (3). 30–34. <https://doi.org/10.1111/josl.12657>
- Eckert, Penelope & Robert Podeshva. 2021. Non-binary approaches to gender and sexuality. In Jo Angouri & Judith Baxter (eds.), *The Routledge handbook of language, gender, and sexuality* (1st ed.), 25–36. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315514857>
- Eslami, Zohreh R., Tatiana Larina & Roya Pashmforoosh. 2023. Identity, politeness and discursive practices in a changing world. *Russian Journal of Linguistics* 27 (1). 7–38. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-34051>
- Fairclough, Norman. 1989. *Language and Power*. 1-st edition. Pierson Education Ltd.
- Fairclough, Norman. 2003. Political correctness: The politics of culture and language. *Discourse and Society* 14 (1). 17–28. <https://doi.org/10.1177/0957926503014001927>
- George, Angela, Diana Carter & Fransis Langevin. 2025. Gender-neutral language practices by nonbinary and gender-diverse Spanish-speakers. *Gender and Language* 19 (2). 133–157. <https://doi.org/10.3138/gl-2025-0013>
- Lakoff, Robin. 1975. *Language and Woman’s Place*. Harper and Row: New York.
- Luck, Christiane. 2020. *Rewriting Language: How Literary Texts Can Promote Inclusive Language Use*. UCL Press. <https://doi.org/10.14324/111.9781787356672>
- Pauwels, Anne. 1998. *Women Changing Language*. Longman: London, New York, 1998
- Reichelt, Susan & Morana Lukač. 2025. Negotiating gender-fair language on YouTube: A micro approach to studying normative linguistic behaviour. *Journal of Language and Discrimination* 8 (2). 192–216. <https://doi.org/10.3138/jld-2024-0104>
- Salerno, Paula & Maria F. Rizzo. 2024. Gender-inclusive language in the Argentine digital public discourse: A glottopolitical perspective. *Language and Discrimination* 8 (2). 141–164. <https://doi.org/10.3138/jld-2024-0102>
- Salinas, Cristobal & Adele Lozano. 2021. History and evolution of the term Latinx. In Enrike G. Murillo, Dolores Delgado Bernal, Socorro Morales, Luis Urrieta Jr., Eric Ruiz Bybee, Juan Sánchez Muñoz, Victor B. Saenz, Daniel Villanueva, Margarita Machado-Casas & Katherine Espinoza (eds.), *Handbook of Latinos and Education. Theory, Research, and Practice* (2-nd edition), 249–263. Rutledge. <https://doi.org/10.4324/9780429292026>
- Sheydaei, Iman. 2021. Gender identity and nonbinary pronoun use. *Gender and Language* 15 (3). 368–393. <https://doi.org/10.1558/genl.18871>

- Shu, Min Yuen. 2024. Beyond “correctness”. *Journal of Sociolinguistics* 20 (3). 35–39. <https://doi.org/10.1111/josl.12656>.
- Spender, Dale. 1994. *Man Made Language*. 2nd edition. London: Pandora.
- Zimman, Lal. 2017a. Gender as stylistic bricolage: Transmasculine voices and the relationship between fundamental frequency and /s/. *Language in Society* 46 (3). 339–370. <https://doi.org/10.1017/S0047404517000070>
- Zimman, Lal. 2017b. Transgender language reform. *Journal of Language and Discrimination* 1 (1). 84–105. <https://doi.org/10.1558/jld.33139>
- Zimman, Lal. 2024. Trans language activism and intersectional coalitions. *Journal of Sociolinguistics* 28. 3–8. <https://doi.org/10.1111/josl.12661>
- Walter, Daniel & Avery Long. Beyond xier: An exploration of German nonbinary pronoun usage and discourse on Twitter. *Language and Gender* 19 (2). 209–231. <https://doi.org/10.3138/gl-2025-0010>

Источники / Sources of the material

- ACLU apologises for changing Ruth Bader Ginsburg quote to be gender-neutral. In *Independent*. September 28, 2021. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/aclu-ruth-bader-ginsburg-abortion-gender-neutral-b1928809.html> (accessed January 15, 2026).
- A modest proposal. In: Cameron, D. *language: a feminist guide* (blog). URL: <https://debuk.wordpress.com/2024/07/30/a-modest-proposal/> (accessed 18 September, 2025).
- APA Style. Gender. Pronoun and noun use. URL: <https://apastyle.apa.org/style-grammar-guidelines/bias-free-language/gender>
- BMC Pregnancy and Childbirth. July 2, 2021. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC8250556/> (accessed January 5, 2026).
- Humanium: Confronting group-based child sexual exploitation in the UK URL: <https://www.humanium.org/en/confronting-group-based-child-sexual-exploitation-in-the-uk/> (accessed January 8, 2026).
- Inclusive Language Guidelines. Author Resources. Wiley. URL: <https://authorservices.wiley.com/author-resources/Journal-Authors/Prepare/manuscript-preparation-guidelines.html/inclusive-language-guidelines.html> (accessed January 5, 2026).
- Guardian: Sussex professor resigns after transgender rights row. October 28, 2021. URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/oct/28/sussex-professor-kathleen-stock-resigns-after-transgender-rights-row> (accessed September 8, 2025)
- Pew Research Center: About One-in-Four U.S. Hispanics Have Heard of Latinx, but Just 3% Use it. 2020. URL: <https://www.pewresearch.org/race-and-ethnicity/2020/08/11/about-one-in-four-u-s-hispanics-have-heard-of-latinx-but-just-3-use-it/> (accessed August 25 2025).
- Remarks by Vice President Harris in a Roundtable with Disability Advocates. July 26, 2022. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/07/26/remarks-by-vice-president-harris-in-a-roundtable-with-disability-advocates/> (accessed September 5, 2025).
- Equality in America Town Hall with Sen. Kamala Harris (D-CA), Presidential Candidate. Aired 9:30-10p ET. URL: <https://transcripts.cnn.com/show/se/date/2019-10-10/segment/05> (accessed September 8, 2019).
- Medi-Cal for Pregnancy. URL: <https://www.coveredca.com/health/medi-cal/pregnant-women/> accessed January 15, 2026).
- New York Post: Transgender man who gave birth slams nurses who called him ‘Mom’. December 22, 2021. URL: <https://nypost.com/2021/12/22/transgender-man-who-gave-birth-slams-docs-who-called-him-mom/>

New York Post: CNN host Fareed Zakaria argues Dems made 3 major errors in loss to Trump in scathing takedown. Nov.10, 2024. URL: <https://nypost.com/2024/11/10/us-news/cnn-host-fareed-zakaria-offers-3-reasons-harris-lost-to-trump-in-scathing-takedown-of-dems/> (accessed August 25, 2025).

Operation Stonewood — the NCA’s investigation into child sexual abuse in Rotherham. National Crime Agency. URL: <https://www.nationalcrimeagency.gov.uk/what-we-do/crime-threats/operation-stovewood-rotherham-child-sexual-abuse-investigation> (accessed September 18, 2025).

Presidential Actions. Defending women from gender ideology extremist and restoring biological truth to the federal government. January 20, 2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/defending-women-from-gender-ideology-extremism-and-restoring-biological-truth-to-the-federal-government/> (accessed August 25, 2025).

Wisconsin Public Radio: Wisconsin teacher suing school district after being fired for not using students’ preferred pronouns. August 6, 2024. URL: <https://www.wpr.org/news/wisconsin-teacher-suing-school-district-fired-not-using-students-preferred-pronouns>

Словари / Dictionaries

ALDCE: A.S. Hornby, E.V. Gatenby, & H. Wakefield. *The Advanced Learner’s Dictionary of Current English*. First published 1948. Oxford University Press, 1958.

OALD: A.S. Hornby. *Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English*. Ed. by Sally Wehmeier. 7th edition, 2005. Oxford University Press.

Cambridge Dictionary URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed September 8, 2025).

Article history:

Received: 18 October 2025

Accepted: 25 January 2026

Сведения об авторе:

Елена Сергеевна ГРИЦЕНКО — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка № 3, МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация. Сфера научных интересов — социолингвистика, дискурс-анализ, язык и культура, язык и гендер. Является автором и соавтором многочисленных публикаций на русском и английском языках, включая монографии, главы в книгах и статьи в международных научных журналах, в том числе *World Englishes*, *Language and Communication* и др.

e-mail: elena.s.gritsenko@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-8669-360X>

Bionote:

Elena S. GRITSENKO is Dr. Habil. in Linguistics, Professor of English Department No. 3 at MGIMO University, Moscow, Russian Federation. Her research interests include sociolinguistics, discourse analysis, language and culture, language and gender. She is author and co-author of numerous publications in Russian and English, including monographs, chapters in edited volumes, and articles in international peer-reviewed journals such as *World Englishes*, *Language and Communication*, and others.

e-mail: elena.s.gritsenko@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-8669-360X>